

Руслана Ляшева. Запсибовская запорожская сечь и казачий дух (о книге Гария

Немченко «Дух черемши»)

Категория: [Критика, литературоведение](#)

Автор: [Ляшева Руслана Петровна](#)

Просмотров: 1066

2013 год, Выпуск № 2

Ничего удивительного, что споры о Михаиле Шолохове перетекли в XXI век. Если о Шекспире цапаются несколько столетий, о Гомере не угомонятся несколько тысячелетий, то, естественно, не мог избежать этой посмертной славы и Шолохов, личность которого для нас значит не меньше, чем слепой рапсод для древних греков или аноним, скрывающийся за именем драматурга, для англичан эпохи Возрождения. Ну что там маленькая Троя? Хоть бы она выстояла, как наш Сталинград, так нет же, пала под напором «ахейских мужей»; приказала, словом, остальным городишкам долго жить. Гомер раструбил восхищение мужеством ее защитников на все времена. И хоть ты лопни, имя Гомера (вместе с его подопечными) сидит в голове со школьной скамьи; свое имя в стрессе забудешь, но Гомера ни-ни, Боже упаси.

Полемическая литература о нашем современнике по объему едва ли не обгоняет удачливого грека, посему, не погружаясь в ее дебри, остановимся на свежем примере, из книги Гария Немченко «Дух черемши» (Кемерово, 2012 г.).

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса, я список кораблей прочел до середины...» - писал Осип Мандельштам об армаде, направившейся громить Трою. Список «кораблей», устремившихся громить Шолохова в самом начале XXI-го века, когда были найдены и выкуплены рукописи «Тихого Дона», подлиннее! Их авторов со статьями и органами СМИ перечисляет Феликс Кузнецов, член-корреспондент Российской академии наук. Все - новые и старые, но вновь всплывшие версии о плагиате, Ф. Кузнецов называет нелепицами и фантазмагорическими версиями, невежеством или профанацией, что и доказывает, обращаясь к архивным документам. Михаила Александровича Шолохова он называет «самым крупным художником ушедшего XX века» (Феликс Кузнецов. Осторожно: профанация. «Литературная Россия», № 16, 20 апреля 2001 г.). Литературовед, как и положено, доказывает авторство Шолохова историческими фактами и документами. Прозаик Г. Немченко размышляет над загадкой авторства «Тихого Дона» в главе «Донской пролог» (документальная повесть), с благодарностью судьбе за личное знакомство с Шолоховым на встрече классика с молодыми писателями в 60-ых годах. Теперь, оглядываясь, он заново всматривается в «окутанное дымком от папиросы задумчивое лицо Шолохова. И - глаза. Бог даст, когда-либо удастся хоть приблизительно описать, что это был за взгляд и сколько в нем тайлось. И что разгадали мы в нем. Уже потом. Всем миром. Сообща. А что - не разгадаем у же никогда».

И все же Немченко нашел для себя загадку тайны, как мог «парнишка, тоненький как мальчишка» (по воспоминаниям Александра Серафимовича, приведенным в статье Ф. Кузнецова), написать эпопею о донском казачестве? К разгадке современного писателя привели два совпавших события. Дело в том, что Г.Л. Немченко в 90-м «кликнули» атаманом Московского землячества казаков. Первое, что он сделал, - отправился на Ордынку разглядеть, осталось ли что-нибудь от «находившейся издревле в столице казачьей слободки»; от пустынного подворья церкви Успения Богородицы двинулся к трем Казачьим переулкам. Из церкви выселяли много лет обитавшую в ней типографию, новый атаман стал добиваться в патриархии, чтобы храм Успения Богородицы вернули прежним хозяевам - казакам; дело казалось безнадежным. В хлопотах Немченко не забывал о Казачьих переулках, пытаясь встретить кого-нибудь, знающих что-нибудь о казаках. Случайно разговорился с пожилой жительницей этого района Москвы, у которой муж перед войной работал конструктором артиллерийских снарядов. Она поведала атаману, что, если снаряды не взрывались во время испытаний, то из тюрем привозили зэков-казаков и отправляли руками взять их и принести. Часто снаряды взрывались у них прямо в руках. Муж страдал, видя гибель казаков, но изменить ситуацию не мог; от того, горестно сообщила рассказчица, и умер рано от инфаркта.

В статье «Осторожно: профанация» Феликс Кузнецов написал: «Бывшее ЧК, а потом ОГПУ так и не простило Шолохову правды о Вешенском восстании, которое и было вызвано, спровоцировано политикой «рассказывания», то есть геноцида против казачества...» Немченко от вдовы конструктора услышал, как в 30-ые годы проводилось «рассказывание», точнее говоря, уничтожение казаков.

Хлопоты о возвращении казакам церкви Успения Богородицы неожиданно увенчались успехом.

«...И во мне, - пишет Г. Немченко, - вдруг возникло страшное и счастливое ощущение чего-то сокровенного, объединившего вдруг времена и судьбы, в том числе - и мою собственную... Ощущение это с благодарностью помню до сих пор. С безмолвной печалью улыбался, а в голове проносилось: ну вот, мол, вот!.. Богородица и это управила, с возвращением казакам когда-то посвященной Ей церкви. И Шолохову, Михал Александровичу, почти мальчишке тогда, конечно же, именно Она помогла поднять щит духовный над бедным своим народом, всё погибавшим от снарядов, которые продолжали взрываться в руках у него на истерзанной недругами и нами самими, простодырами, нашей грешной земле...» (стр. 71)

Ученый доказал авторство М.А. Шолохова логическими аргументами, а художник-писатель угадал истину сердцем, по христианскому наитию. Пути Господни, вопреки пословице, все-таки исповедимы.

«Донской пролог» хорошо дополняет предисловие «Поиск названия», ибо два эти текста - короткий и большой - наполняют историческим значением «напервый взгляд, случайно названного» книги: «Дух черемши». Кстати, черемша - дикий чеснок в сибирской тайге, как я понимаю. Учалдонов, коренных сибиряков, - надежное средство от всех болезней; в годы войны в госпиталях Томска, рассказывает в предисловии Немченко, черемша спасала раненых красноармейцев от смерти, заменив отсутствовавшие антисептические, обеззараживающие средства. Черемша (колба - второе название) очень пахуча, как и чеснок; и любителей лакомства - а это все сибиряки, то есть народ - выдает по запаху. Название книги «Дух черемши» не без юмора трактуется автором в предисловии, как дух народа или народный дух. Нота трагизма из «Донского пролога» соединяется с юмором, создавая объемное значение исторического содержания. Короче, эта книга - о народе, его бедах и радостях, о его стойкости. Таких казаков можно было видеть на фольклорном фестивале «Живая традиция» 4 ноября 2012 года в Доме кино, где все кипело.

По принципу маятника: до основания, а затем...

Любая крайность рождает крайность противоположную. Срабатывает принцип маятника, который, высоко взлетев в одну сторону, качнется и в другую с той же прытью. В начале XX-го века большевики вдохновляли народ, дескать, весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем, мы наш, мы новый мир построим. Уничтожили царизм. В конце XIX века появились, якобы, демократы, они «новый мир», построенный большевиками, назвали тоталитаризмом, и на этом утверждении обосновали свое право разрушить его до основания, чем, к сожалению, и занимаются два десятилетия без передышки. Этот пример наиболее наглядный, поскольку два раза за столетие государственный порядок в России переворачивался, наподобие песочных часов, вверх тормашками.

Еще пример - новейшая история казачества. Раскалывание, как поведал Г. Немченко со слов вдовы конструктора, было настоящим геноцидом. Таково было движение маятника в одну сторону. В другую его качнула идея самостийной казачьей государственности, возникшая в 1927 году в эмиграции. «Печатным же органом, через который широко, по всемиру проводилась идеология казачьего сепаратизма стал журнал «Вольное казачество», бессменным редактором которого был кубанский казак, инженер и политический деятель И.А. Билый. Оказавшись в эмиграции, в Польше, он начал выпускать журнал «Вольное казачество» совместно с есаулом М.Ф. Фроловым из станицы Новочеркасской, одним из главных инициаторов и основоположников эмигрантского движения Вольных Казаков. Первый номер журнала вышел 10 декабря 1927 года» (Духовно-мировоззренческий и литературно-публицистический альманах «Поход». М., 2011, стр. 312). Идея построения коммунизма в России была, как теперь выясняется, не единственной утопией в XX-м веке. Вот и казаки (не без финансового воздействия Польши) размечтались о самостийном государстве Казаккии и были готовы назвать себя особым народом, никак не связанным с русскими (украинцы в конце XX-го века их мечту осуществили!) Иван Солоневич в коротком афоризме: «Казачество нужно России, но еще больше Россия нужна казачеству», - расставил точки над «и» в нелепой затее, которой бедненькие казаки-эмигранты хоть как-то потешили свою приунывшую душу.

Гарий Немченко в теоретические дебри не погружается; книга написана о русском народе в целом; символично, что название «Дух черемши», значит народный дух, обыгрывает явление Сибири, таежную черемшу. Запсиб, комсомольская стройка, где я работала в начале 60-ых сварщицей, а Гарий Леонтьевич - ответственным секретарем в газете «Металлургстрой», был, по существу, комсомольской «Запорожской сечью». Фильм «Тарас Бульба» режиссера Владимира Бортко только укрепил мое мнение о кровном родстве Запсиба и Сечи. Казачество - это как бы бродильный фермент в русском народе, который подпитывает его пассионарность (термин Льва Гумилева). Недаром Велемир Хлебников называл казаков дворянами Земли. Такая мировоззренческая позиция автора определяет суть и содержание «Духа черемши». Подтверждение «концепции» - история другого кинорежиссера - Вадима Виноградова и оператора Никиты Хубова. В 60-м году, сообщает Г. Немченко, он вместе с поэтом Робертом Кесслером (тоже работал в «Металлургстрое») написал сценарий документального фильма «Запсиб» для дипломников ВГИКа Виноградова и Хубова. Фильм имел успех. Прошли десятилетия, Вадим Виноградов стал православным кинорежиссером, и начало такому творческому пути было там, уверяет режиссер прозаика, на Запсибе.

Так у автора и получилось в «Духе черемши», что в сибирских главах книги царит вольнолюбивый дух казачества («Западно-Сибирские сны» и другие), а в главах о казаках («Газыри» и другие) или о Северном Кавказе, Адыгее и Майкопе, где писатель с женой после Сибири прожили плодотворные для творчества годы, воссозданы русское миролюбие и настоящая дружба народов, как на Запсибе. Металлургический гигант в Новокузнецке строили, в основном, русские, конечно, но вместе с ними на Антоновской площадке трудились едва ли не представители всех народов Советского Союза. Сам факт публикации книги в промышленном Кузбассе (г. Кемерово) - знак высокого качества. И оформление, под стать содержанию, - прекрасное!

Руслана ЛЯШЕВА
г. Москва